

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ
ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА ВОСТОЧНЫХ
СЛАВЯН ДРЕВНЕЙШЕЙ ЭПОХИ

Е. Л. Бархударова

/Москва/

Необходимость равного внимания к парадигматике и синтагматике в исторической фонетике делает обязательным выбор исходной теории, которая могла бы стать методологической основой анализа. В настоящей статье вопрос излагается с позиций Московской фонологической школы /МФШ/.

Теория Московской фонологической школы исходит из понятия фонемы как кратчайшей различительной единицы звукового строя языка, а дифференциального признака /ДП/ -- как способа описания фонемы в фонетической системе. Эта теория не сводит понятие фонемы к звуковому типу. Фонема в МФШ понимается как единица системы оппозиций. Фонологическая система не считается автономной, учитываются ее закономерные связи с грамматической и лексической системами. Поэтому фонема понимается как функциональное тождество звуковых единиц, связанных отношением позиционной мены в пределах морфемы. В границах морфемы фонема определяется как структурная единица. Ее функционирование же происходит в словоформе, так как кратчайшей значимой единицей, способной к самостоятельному существованию в речи, является не морфема, а слово.

Исходя из того, что фонологическому уровню языковой системы соответствует одна и только одна единица -- фонема, К. В. Горшкова подчеркивает, что в языках, фонетическая система которых покоится на двух типах позиционной мены звуков -- параллельном и перекрещивающемся /т.е. на не приводящем и приводящем к нейтрализации/ -- фонема характеризуется парадигматическим устройством.

Парадигма фонемы -- это иерархически организованная система единиц, связанных отношением позиционной мены в пределах морфемы, заменяющих друг друга в различных позициях и не способных противопоставляться друг другу в тождественных позициях. Таким образом, фонема -- не класс аллофонов, а парадигма идеальных

единиц одного класса. Каждый член парадигмы реализуется в речи своими аллофонами¹.

Так, например, фонема <б> представлена парадигмой <б> // <б₁> // <п₂> // <п₃>. Первый член парадигмы выступает в абсолютно сильной в сигнификативном отношении позиции, второй -- в позиции, слабой по твердости-мягкости, третий -- в позиции, слабой по глухости-звонкости, и, наконец, четвертый -- в позиции, слабой по двум указанным ДП.

В анализе парадигматического устройства фонетических единиц частично может быть осуществлен синтез парадигматики и синтагматики в фонологии. Однако в языке всегда есть и не соотносимые с парадигматическими синтагматические явления. Употребление или неупотребление ряда фонем в той или иной позиции может быть синтагматически обусловлено. В этом случае по тому или иному ДП фонема либо всегда в данной морфеме находится в сильной позиции, либо никогда не может быть приведена к сильному виду в пределах данной морфемы.

В современном русском языке, например, никогда не сочетаются "ц" и "ш", и при этом в парадигматической структуре русского языка нет аналога данному синтагматическому правилу. В этом случае можно говорить только о синтагматических, сочетаемостных свойствах фонемы, которые, как и парадигматические, являются ее структурными свойствами.

Здесь уместно вспомнить замечание М.В. Панова о том, что "часто синтагматику, в отличие от парадигматики, понимают именно как реальную, эмпирически "одноразовую" последовательность звуков"². На самом деле, -- указывает М.В. Панов, -- синтагматика в ее научной реальности, так же как парадигматика, изучает законы языка, а не описывает данную реальную манифестацию этих законов"³.

Немногочисленность, краткость или отсутствие парадигм фонем в языках, где мало представлен или не представлен совсем перекрещивающийся тип позиционной мены звуков, как правило, компенсируется синтагматической обусловленностью возможности упот-

ребления фонем в той или иной позиции. Поэтому важным является не только рассмотрение синтагматических закономерностей, соотносимых с парадигматическими, но и анализ синтагматических закономерностей, которые из парадигматики не выводятся.

С точки зрения соотношения парадигматики и синтагматики интересным представляется исследование положения заднеязычных согласных фонем <к>, <г>, <х> в языке восточных славян древнейшей эпохи. Заднеязычные согласные фонемы составляли частную подсистему в фонетической системе позднепраславянского и древнерусского языков. Рассматривая их звуковые реализации, А.А.Шахматов отмечал в "Очерке древнейшего периода истории русского языка", что они восходят к общеславянским [k], [g] и [x], а в заимствованных словах -- к иноязычным [k], [d] и [x]⁴.

В целом подсистема заднеязычных может быть охарактеризована с помощью трех ДП: место образования, способ образования и глухость-звонкость. Фонемы <к> и <г> по способу образования являлись смычными и были противопоставлены друг другу по признаку "глухость-звонкость". Фонема <х> была фрикативной. Она не имела звонкой пары, и поэтому признак глухости являлся для нее дополнительным. По диалектам возможна была иная характеристика заднеязычных фонем, в зависимости от качества звонкого заднеязычного согласного.

В соответствии с законом слогового сингармонизма, возникшим в общеславянскую эпоху, задненебные употреблялись перед гласными переднего ряда и перед согласными, а именно перед сонорными /плавными и носовыми/ и перед v из ц.

Перед гласными переднего ряда и перед согласной j /из i/ задненебные в древнейшую эпоху существования общеславянского языка по тому же закону перешли в мягкие передненебные аффрикаты и фрикативные согласные, в позднейшую же эпоху /перед явившимися позже согласными переднего ряда из дифтонгов, а также после гласных того же ряда/ они перешли в мягкие зубные аффрикаты и фрикативные согласные⁵. Процессы смягчения заднеязычных перед гласными переднего ряда, а также после этих гласных, как

известно, получили название первой и второй палатализаций.

Необходимо отметить, что уже в праславянском языке шипящие стали самостоятельными фонемами в результате перехода [e] в [a] после них. Самостоятельной стала и фонема ⟨с'⟩, о чем свидетельствует падежная парадигма таких слов, как [ot'ьs'ь], [ov'ьs'a]⁶. В результате в языке восточных славян древнейшей эпохи сложилась довольно интересная картина чередований заднеязычных согласных с шипящими и свистящими перед гласными переднего ряда.

В фонетической системе имели место, во-первых, чередования заднеязычных с шипящими перед гласными переднего ряда [e], [ь], [i] и, во-вторых, чередования заднеязычных со свистящими перед гласными переднего ряда [ě] и [i], получившимися позднее из дифтонгов. И то, и другое чередования отвечают двум основным признакам фонетических чередований -- позиционной обусловленности /мена происходит перед гласными переднего ряда: [uč'ěnik] - [učenic'ě] [ruka] - [ruc'ьnyžь] и отсутствию исключений /она происходит всегда/.

Можно было бы посчитать оба чередования фонетическими, однако уникальность ситуации состоит в том, что перед гласным [i] возможны как чередования заднеязычных с шипящими, так и чередования их со свистящими: [suħь] - [sus'iti], но [drugь] - [druz'i]. Возникает вопрос: могут ли действовать два фонетических закона в одних и тех же фонетических условиях одновременно? Очевидно, что на него должен быть дан отрицательный ответ, а к обязательным признакам фонетических чередований следует добавить единообразие /в определенных фонетических условиях результат должен быть одним и тем же/.

По-видимому, оценку поведения заднеязычных перед [i] можно экстраполировать на их поведение перед гласными переднего ряда [e] и [ь]. Поэтому чередования заднеязычных с шипящими с начала действия второй палатализации стали морфологическими, хотя и носили своеобразный характер. Как морфологические их оценивал и П.С. Кузнецов в статье "О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке"⁷. Вместе с тем в случае чередования [к] и [с'] происходит фонетическая нейтрализация. Таким об-

разом, в позициях перед [e̞] и [i] заднеязычная фонема ⟨k⟩ представлена слабым по месту образования членом своей парадигмы.

К сожалению, нельзя сказать то же о чередованиях [g] и [x] со свистящими. Звуки [z'] и [s'] до вторичного смягчения являлись лишь вариантами заднеязычных перед гласными переднего ряда. Правда, в некоторых словах [z'] и [s'] не чередовались с [g], [x], а были представлены во всех словоформах парадигмы: [kъnъz'ь], [rolyz'a]. Здесь, следовательно, могла иметь место фонологизация [z'], [s']. Однако в таких словах древние тексты отражают диалектное отверждение свистящего⁸.

Таким образом, в подсистеме заднеязычных согласных можно отметить только одну фонему, представленную краткой, состоящей из двух членов парадигмой, -- ⟨k⟩ : ⟨k⟩ [/ [c₁]]. Наоборот, довольно сложными оказываются синтагматические свойства заднеязычных согласных фонем. Сюда относится их несочетаемость с гласными ⟨e⟩ и ⟨ь⟩. / так как в позиции перед этими гласными выступают только шипящие, чередования заднеязычных, с которыми нельзя оценить как фонетические / и несочетаемость заднеязычных с согласными, кроме носовых и плавных сонорных, а также ⟨v⟩.

Проделанный в статье анализ позволил определить некоторые парадигматические и синтагматические свойства заднеязычных согласных. Исследование в этом направлении звукового строя восточнославянских диалектов и далее древнерусского языка в ранний период может быть продолжено. Оно дает возможность по-новому осветить некоторые уже известные лингвистические факты и выявить новые аспекты фонетической системы языка восточных славян дописьменной и раннеписьменной эпохи.

Литература

1. См.: Горшкова К.В. О фонеме в языке и речи. // *Slavia orientalis*. РХХІХ. № 1/2, Варшава, 1980, с. 79--81.
2. Панов М.В. О двух типах фонетических систем. // *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Л., 1977, с. 17.
3. Там же.

4. См.: Энциклопедия славянской филологии, Вып. II.I, Пг., 1915, с. 178.
5. Там же, с. 35.
6. См, об этом: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка, М., 1981, с. 48--49.
7. Кузнецов П.С. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке, //Известия отделения литературы и языка АН СССР, Т. XI. 1952, вып. I, с. 66.
8. См, об этом: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка, М., 1981, с. 48--49.